

ОДИССЕЙ

2012

Предательство:
опыт исторического анализа

История в средневековой
арабо-мусульманской системе знаний

Крещение детей и монстров
в средневековой Скандинавии

А. Н. Савин:
неизвестная жизнь известного историка

НАУКА

УДК 94
ББК 63.3(0)
О-42

Издание основано в 1989 году

Главный редактор А.О. ЧУБАРЬЯН

Редакционная коллегия:

Ю.Е. АРНАУТОВА (зам. главного редактора), Л.М. БАТКИН,
Г.В. БОНДАРЕНКО, А.Б. ГЕРШТЕЙН (ответственный секретарь),
И.Н. ДАНИЛЕВСКИЙ, Б.С. КАГАНОВИЧ, О.Е. КОШЕЛЕВА,
К.А. ЛЕВИНСОН, С.И. ЛУЧИЦКАЯ (составитель и зам. главного редактора),
А.А. ПАНЧЕНКО, М.Ю. ПАРАМОНОВА, Л.П. РЕПИНА, А.В. ТОЛСТИКОВ,
П.Ю. УВАРОВ, Д.Э. ХАРИТОНОВИЧ

Редакционный совет:

Ю.Н. АФАНАСЬЕВ, В. ВЖОЗЕК, Н. ЗЕМОН ДЭВИС,
Вяч.Вс. ИВАНОВ, Ж. Ле ГОФФ, С.В. ОБОЛЕНСКАЯ,
Ж.-К. ШМИТТ, О.Г. ЭКСЛЕ, М. ЭМАР

Рецензенты:

доктор исторических наук М.В. ДМИТРИЕВ,
доктор исторических наук С.К. ЦАТУРОВА

ISBN 978-5-02-038028-8 © Институт всеобщей истории РАН, 2012
© Лучицкая С.И., составление, 2012
© Коллектив авторов, 2012
© Российская академия наук и издательство
“Наука”, продолжающееся издание
“Одиссей. Человек в истории”
(разработка, оформление), 1989
(год основания), 2012
© Редакционно-издательское оформление.
Издательство “Наука”, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДАТЕЛЬСТВО: ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

<i>К.А. Левинсон</i> ПРЕДИСЛОВИЕ	5
<i>С.И. Лучицкая</i> ПРЕДАТЕЛЬСТВО И ИЗМЕНА В <i>CHANSONS DE GESTE</i> XII–XIII вв. .	10
<i>А.Б. Герштейн</i> КРЕСТОВЫЙ ПОХОД ФРИДРИХА II: ПРЕДАТЕЛЬСТВО КРЕСТОНОСНОЙ ИДЕИ?	45
<i>Р.О. Шляхтин</i> ПРЕДАТЕЛЬСТВО НА ПОНТЕ: ИЗМЕННИКИ, РЕНЕГАТЫ И ПЕРЕБЕЖЧИКИ В ВИЗАНТИЙСКО-СЕЛЬДЖУКСКОМ ВОЕННОМ КОНФЛИКТЕ (1170–1204 годы)	74
<i>О.И. Тогоева</i> РЫЖИЙ ЛЕВША: ТЕМА ПРЕДАТЕЛЬСТВА ИУДЫ В СРЕДНЕ- ВЕКОВОМ ПРАВОВОМ ДИСКУРСЕ	98
<i>Е.Д. Браун</i> РИЧАРД III И “ПРИНЦЫ В ТАУЭРЕ”: РОЖДЕНИЕ ЛЕГЕНДЫ	113
<i>О.В. Окунева</i> ПРЕДАТЕЛИ И ПРЕДАТЕЛЬСТВО ВО ФРАНЦУЗСКОЙ БРАЗИЛИИ XVI – НАЧАЛА XVII в.	139
<i>Л.А. Пименова</i> КОГДА КОРОЛЬ СТАНОВИТСЯ ПРЕДАТЕЛЕМ	167
ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ	
<i>В.А. Кузнецов</i> ЖИЗНЬ ДО РОЖДЕНИЯ: ИСТОРИЯ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ АРАБО- МУСУЛЬМАНСКОЙ СИСТЕМЕ ЗНАНИЙ	184
ИСТОРИК И ВРЕМЯ	
<i>А.В. Шарова</i> АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ САВИН: НЕИЗВЕСТНАЯ ЖИЗНЬ ИЗВЕСТНОГО ИСТОРИКА	212

Г. Альгази

ОТТО БРУННЕР – “КОНКРЕТНЫЙ ПОРЯДОК” И ЯЗЫК ВРЕМЕНИ 244

ИСТОРИЯ И ПАМЯТЬ

Ю.Ф. Игина

МЕМОРИА ЛЖЕДМИТРИЯ I КАК СПОСОБ ЛЕГИТИМАЦИИ
И МАНИФЕСТАЦИИ ЕГО ВЛАСТИ 280

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНЫХ ПРАКТИК

К.А. Левинсон

“ВРАЖДУЮЩИЕ ШКОЛЫ ПО ПРИРОДЕ СВОЕЙ – БОЕВЫЕ
ОРГАНИЗАЦИИ”: ИЗ ИСТОРИИ СТЕНОГРАФИИ В ГЕРМАНИИ 322

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

А.В. Бусыгин

МЕЖДУ КАНОНИЧЕСКИМ ПРАВОМ И ЦЕРКОВНЫМ
ФОЛЬКЛОРОМ: КРЕЩЕНИЕ ДЕТЕЙ И МОНСТРОВ
В СРЕДНЕВЕКОВОЙ СКАНДИНАВИИ 362

М.Ю. Зенченко

ДИНАСТИЧЕСКИЙ КРИЗИС ВЕСНЫ 1682 ГОДА: СОБЫТИЕ И ЕГО
ВЕРСИИ 384

РОССИЯ: QUO VADIS?

Б.В. Дубин

МАНИФЕСТАЦИИ ПУБЛИЧНОГО НЕДОВОЛЬСТВА В МОСКВЕ
2011–2012 гг. : ТОЧКА СДВИГА ИЛИ ЛИНИЯ ПЕРЕЛОМА? 428

ИСТОРИЯ И МИФОЛОГИЯ

Г.В. Бондаренко

КУ РОИ И СВЯТОГОР: ВАРИАЦИИ ХТОНИЧЕСКОГО СЮЖЕТА 448

РЕЦЕНЗИИ

М.Н. Соколов

ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТА И ПРОСТРАНСТВО
ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ: СОЗВУЧИЯ И ДИССОНАНСЫ
А.М. Лидов. Иеротопия: Пространственные иконы и образы-парадигмы
в византийской культуре. М., 2009 464

Т.М. Васильева

GESAMTKUNSTWRACK, ИЛИ О НОВОЙ КНИГЕ А.М. ЛИДОВА ... 474

А.Б. Герштейн

СОХРАНЯЯ ПРАВО: “ВАРВАРСКАЯ ПРАВДА” МЕЖДУ РИМСКОЙ
ТРАДИЦИЕЙ И ЦЕРКОВНЫМИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛАМИ

Вестготская правда: (Книга приговоров): [Латинский текст. Перевод. Исследование] / Отв. ред. О.В. Ауров, А.В. Марей. М., 2012	481
НАШИ ЮБИЛЯРЫ	
Л.М. БАТКИНУ 80 ЛЕТ	489
IN MEMORIAM	
ГЕОРГИЙ СТЕПАНОВИЧ КНАБЕ (20 августа 1920–30 ноября 2011)	491
ПАМЯТИ СВЕТЛАНЫ ВАЛЕРИАНОВНЫ ОБОЛЕНСКОЙ (12.04.1925–26.10.2012)	494
ХРОНИКА	
<i>Н.Ф. Сокольская</i>	
МИГРАЦИЯ И ИММИГРАНТЫ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ: ПРОБЛЕМА И ВОЗМОЖНОСТИ ЕЕ ИЗУЧЕНИЯ	497
SUMMARIES	502

CONTENTS

TREASON: A HORIZON OF HISTORICAL EXPERIENCE

<i>K.A. Levinson</i>	
INTRODUCTION	5
<i>S.I. Luchitskaya</i>	
TREASON AND BETRAYAL IN TWELFTH AND THIRTEENTH CENTURY CHANSONS DE GESTE	10
<i>A.B. Gerstein</i>	
THE CRUSADE OF FREDERICK II: BETRAYAL OF THE CRUSADE IDEA	45
<i>R.O. Shliahtin</i>	
TREASON IN PONTUS: TRAITORS, RENEGADES AND DEFECTORS IN THE BYZANTINE-SELJUK MILITARY CONFLICT (1170–1204)	74
<i>O.I. Togoieva</i>	
RED-HAIRED AND LEFT-HANDED: JUDAS' BETRAYAL IN THE MEDIEVAL LEGAL DISCOURSE	98
<i>E.D. Braun</i>	
RICHARD III AND 'THE PRINCES IN THE TOWER': THE BIRTH OF A LEGEND	113
<i>O.V. Okuneva</i>	
TREASON AND TRAITORS IN FRENCH BRAZILE DURING THE SIXTEENTH AND TE BEGINNING SEVENTEENTH CENTURY	139
<i>L.A. Pimenova</i>	
HOW THE KING BECOMES A TRAITOR	167

PROBLEMS OF HISTORICAL KNOWLEDGE

<i>V.A. Kuznetsov</i>	
LIFE BEFORE BIRTH: HISTORY IN THE MEDIEVAL ARABO- MUSLIM SYSTEM OF KNOWLEDGE	184

HISTORIAN AND TIME

<i>A.V. Sharova</i>	
ALEXANDER SAVIN: THE UNKNOWN LIFE OF THE FAMOUS HISTORIAN	212

G. Algazi

OTTO BRUNNER: 'CONCRETE ORDER' AND THE DISCOURSE OF THE TIMES	244
--	-----

HISTORY AND MEMORY

Yu.F. Igina

MEMORIA OF FALSE-DIMITRIY I AS A MODE OF POWER LEGITIMATION	280
--	-----

HISTORY OF EVERYDAY PRACTICES

K.A. Levinson

"THE HOSTILE SCHOOLS ARE COMBAT ORGANIZATIONS BY NATURE": TOWARDS THE HISTORY OF SHORTHAND IN GERMANY	322
---	-----

PROBLEMS OF SOCIAL HISTORY

A.V. Busygin

BETWEEN CANON LAW AND CHURCH FOLKLORE BAPTISM OF CHILDREN AND MONSTERS IN MEDIEVAL SCANDINAVIA	362
---	-----

M.Yu. Zenchenko

MOSCOW DYNASTICAL CRISIS IN SPRING 1682: AN EVENT AND ITS VERSIONS	384
---	-----

RUSSIS: QUO VADIS?

B.V. Dubin

MANIFESTATIONS OF SOCIAL UNREST OF MUSCOVITES IN 2011/2012: TURNING POINT OR CHAIN OF CHANGES?	428
---	-----

HISTORY AND MYTHOLOGY

G.V. Bondarenko

CÚ ROÍ AND SVYATOGOR: A STUDY IN CHTHONIC	448
---	-----

BOOK REVIEWS

M.N. Sokolov

THE SPACE OF CULT AND THE SPACE OF ART STUDIES:
CONSONANCES AND DISSONANCES

<i>M.A. Lidov</i> . Hierotopy: Spatial Icons and Images-Paradigms in Byzantine Culture. Moscow, 2009	464
---	-----

T.M. Vasilieva

GESAMTKUNSTWRACK, OR ABOUT A NEW BOOK OF
A.M. LIDOV 474

A.B. Gerstein

KEEPING THE LAW: BETWEEN ROMAN TRADITION AND
CHRISTIAN CHURCH 481

ANNIVERSARIES

The 80th anniversary of Leonid Mikhailovich BATKIN 489

IN MEMORIAM

GEORGII STEPANOVICH KNABE (1920–2011) 491

S.U. BOLENSKAYA (12.04.1925–26.10.2012) 494

CHRONICLE

N.F. Sokolskaya

MIGRATIONS IN THE MIDDLE AGES. CROSS-CULTURAL
APPROACHES TO THE PROBLEM: (Chronicle of conference) 497

SUMMARIES 502

А.Б. Герштейн

КРЕСТОВЫЙ ПОХОД ФРИДРИХА II: ПРЕДАТЕЛЬСТВО КРЕСТОНОСНОЙ ИДЕИ?

УДК 94(430).025

В статье анализируются существенные обстоятельства, которые сыграли роль в формировании идеи 6-го Крестового похода (1228–1229). Автор сравнивает различное отношение Церкви и мирян к идее похода, воплощенные в фигурах императора Фридриха II и папы Григория IX. Автора интересуют различные формы борьбы за власть (*plenitudo potestatis*) между Церковью (*sacerdotium*) и Империей (*regnum*). А. Герштейн показывает, что одни и те же действия могли быть интерпретированы по-разному в разных системах ценностей – как исполнение обета или как предательство идеи Крестового похода.

Ключевые слова: Крестовый поход, император Фридрих II, *bellum sacrum*, обет крестоносца, предательство, Иерусалим.

Key words: Crusade, Emperor Frederick II, *bellum sacrum*, solemn vow of a Crusader, treachery, Jerusalem.

*Проклят, кто дело Господне делает небрежно,
и проклят, кто удерживает меч Его от крови!*

Иер. 48:10¹

Предательство чаще всего подразумевает взаимоотношения между двумя лицами или группами лиц. Тот, кого предали, нередко выступает обличителем: опираясь на правовые или моральные нормы общества, указывая на данные (и нарушенные!) обещания, он называет те или иные поступки предательством. В ряде статей альманаха, посвященных этому феномену, показано, что осознание содеянного как предательства было также и у того, кто совершил этот неблагоприятный поступок. Когда факт предательства признается и потерпевшим, и сотворившим его – возможно выявить общие представления о предательстве и предателе в том или ином обществе или его отдельной социальной группе. В ситуации же, когда одна сторона заявляет о том, что совершено предательство, а другая не признает этого – становится особенно важно выяснить, на основании каких правовых, моральных или религиозных норм выносится такое суждение и правомерно ли оно в таком случае. Характер аргументации обоих участников в таком интеллектуальном споре также представляет научный интерес.

Если предательство в межличностных отношениях ярко проступает в оценках как минимум одной стороны, то предательство идеи – более сложный случай. Возможно ли вообще предательство идеи? Если да – то кто будет пострадавшим, кто и по какому праву может выступить обвинителем и насколько можно доверять такой оценке? Если предают идею, можно ли вообще однозначно сказать, что этот человек – предатель, или корректнее будет квалифицировать подобные суждения как борьбу интерпретаций, манипуляцию “преданной” идеей в своих целях?

Эти вопросы разбираются в статье на примере Крестового похода германского императора Фридриха II Штауфена в 1228–1229 гг. Под крестоносной идеей в данном случае понимается комплекс представлений о том, как должен проходить крестовый поход, каковы его цели и методы ее достижения, как подобает вести себя предводителю похода. Фридрих II предпочел войне с неверными (*bellum sacrum*), которую пропагандировала христианская церковь, дипломатические переговоры. В результате в 1229 г. был заключен мир с султаном аль-Камилем, по которому главная христианская святыня – Иерусалим – возвращалась христианам. Этот договор вызвал неоднозначную оценку в христианском мире.

Дискуссия о том, как трактовать действия Фридриха в Святой Земле – как предательство крестоносной идеи или, напротив, как служение ей, вписывалась в более широкий контекст взаимоотношений *regnum* и *sacerdotium*. Духовные лица и светские правители, оценивая действия друг друга, создавали определенное представление у паствы и подданных о соотношении сил духовной и светской властей. Характер суждений заинтересованных сторон и образы крестоносца, которые конструировали оба лагеря, складывались на основании идеологических, правовых и моральных норм двух систем ценностей средневекового мира – светской и духовной.

Различия в понятии допустимых и недопустимых способов ведения похода создали предпосылки для системного конфликта между двумя институтами власти, двумя идеологиями – светской и духовной. Но одновременно в столкновении идей, представлений и практики рождался новый способ обретения христианских святынь. В 1228–1229 гг. имело место нарушение канона, которое могло стать новым образцом поведения для крестоносца и изменить идеологию крестовых походов².

Действия крестоносца Фридриха II в Палестине оценивались через призму канонического и светского права. Те шаги кресто-

носца, которые в одной правовой системе могли противоречить канону и потому заслуживать наказания, в другой могли трактоваться как вполне оправданные. Существование двух систем права в средневековом мире было прочной основой для многолетних противоречий между светскими и духовными правителями, но одновременно оставляло возможность для согласованных действий и компромиссов *regnum* и *sacerdotium*, что было особенно важно для успеха Крестового похода. В свою очередь, конкуренция между этими двумя институтами власти была мощным стимулом к развитию средневекового права. Работа легистов и канонистов была призвана обосновать претензии правителей и легитимировать их действия.

События и итоги Крестового похода Фридриха II показали, как существенно могли различаться система ценностей и суждения у представителей высшего духовенства и светской власти. Обстоятельства крестового похода 1228–1229 гг. раскрывают сходства и различия, с одной стороны, фанатичного взгляда на мир папы Римского и патриарха Иерусалимского Герольда, делящих людей на верных и неверных, и более гибкого, политического и дипломатического мышления императора Фридриха II – с другой. Штауфен осознавал, что является и христианином, и правителем, и крестоносцем, он старался своим поведением успешно реализовать задачи каждой из этих своих “ролей”. Какой из перечисленных образов власти был для Фридриха главным в 1228–1229 гг.? В какой ипостаси он предстал (и в какой его видели) перед султаном, патриархом Иерусалима, крестоносцами, а какая роль осталась несыгранной? Крайне важно выяснить, насколько ему удалось воплотить образ “защитника веры”, добиться своих политических целей, исполнить обещанное.

Главное в обете крестоносца Церкви – способствовать освобождению христианских святынь от неверных. Но давший клятву также обязывался выполнить ряд необходимых для этого условий. Конкретные условия клятвы предполагали правовую регламентацию взаимоотношений между крестоносцем и Церковью. Так, Церковь могла разрешить, но и запретить отправиться в крестовый поход; канонический крестовый поход предпринимался в соответствии с папской буллой и под эгидой церковной власти, которую персонифицировал сопровождавший крестоносцев папский легат; крестоносец должен был непременно достичь главной цели похода – Иерусалима и пр.³ Однако нередко вопрос о том, исполнил ли свой обет помощи Святой Земле тот, кто принял

крест, – оставался в области моральных категорий. У представителей светской и духовной власти была своя точка зрения, какие действия правильны и допустимы, а какие – ошибочны и лишь извращают благое начинание.

В этом смысле Крестовый поход Фридриха II стал одним из самых ярких примеров идейного конфликта между *regnum* и *sacerdotium*, когда одни и те же действия оценивались с разных точек зрения. Для светской власти поход 1228–1229 гг. был успешным, поскольку главная его цель – возвращение Иерусалима в руки христиан – была достигнута. Для духовной – он был бесконечной цепью нарушений норм и обычаев. Неточные исполнения клятв крестоносца, поход, заключение договоров с сарацинами в период ведения военных действий, союз с противником-инверцером – все эти обстоятельства высшее духовенство расценило как неверность святой идее, а в средневековом сознании это было тождественно предательству Христа, вероотступничеству.

Действительно, поход императора Фридриха II 1228–1229 гг. во многом был необычным предприятием с того момента, как правитель дал обет крестоносца, и до его возвращения из Святой Земли. Задача статьи состоит в том, чтобы выяснить, как Церковь оценивала действия Штауфена, в чем состояла полемика между императором и представителями высшего духовенства, какие аргументы приводили обе стороны. Можно ли рассматривать как предательство крестоносной идеи установку Фридриха вернуть Иерусалим любым путем и почему?

КЛЯТВА КРЕСТОНОСЦА ФРИДРИХА II И ЕГО ПОДГОТОВКА К КРЕСТОВОМУ ПОХОДУ

Правители династии Штауфенов принимали деятельное участие в крестовых походах. Это было частью их идеологической программы и “знаком” правящего рода⁴. Внук императора Фридриха Барбароссы и сын императора Генриха VI, Фридрих II, верный штауфенской традиции, с самого начала своего правления в качестве германского короля поспешил вступить в ряды крестоносцев.

Впервые обет крестоносца германский король Фридрих II дал 25 июля 1215 г., на коронации в Ахене⁵. “Вскоре после коронации он принял крест, чтобы помочь Святой Земле, когда схоласт Иоанн Ксантенский в том же месте проповедовал крест”⁶. Для многих современников, в том числе и для Римского понтифика,

это было неожиданным⁷: “Сразу же после мессы этот король *неожиданно* (курсив мой. – А.Г.) принял знак животворящего креста...”⁸

Вскоре после имперской коронации 22 ноября 1220 г. Фридрих повторил свой обет крестоносца перед папой: в марте будущего года он отправит отряд воинов на помощь Святой Земле и лично возглавит поход в августе 1221 г.⁹ Однако император не выполнил этого полностью: весной 1221 г. в Святую Землю выступил отряд немецких крестоносцев. Возглавил его, однако, не сам Фридрих II, а Людвиг, герцог Баварский и пфальцграф Рейнский, которого император отправил в Святую Землю как собственного заместителя¹⁰. Войска под командованием Людвига Баварского не смогли предотвратить потерю Дамьетты, а сам герцог попал в плен. Множество факторов определили неудачу крестоносной кампании 1221 г., в частности, действия папского легата Пелагия. Апостольский престол обвинил Фридриха II в поражении войска Христова.

Тот факт, что правитель сам не отправился в Палестину в 1221 г. Гонорий III ставил ему в вину, причем сразу по нескольким причинам. То, что император не выступил в поход, как обещал, по сути, обмануло чаяния крестоносцев, которые взирали на Фридриха в надежде на его отправление¹¹. Существенно для нашей темы, что Гонорий III указал здесь на *не оправдавшиеся ожидания*, которые были вызваны данным Фридрихом обещанием. По сути, в этих словах выражена формула предательства, понимаемого в моральных категориях. Теперь же, продолжал папа, возвращение Иерусалима в руки христиан откладывается¹². Осознавая утрату Дамьетты как “поражение рода Христова и обиду, [нанесенную] самому Иисусу Христу, искупителю наших грехов, который предан хуле”¹³, Гонорий III квалифицировал поведение Фридриха как тяжкую вину (*gravis culpa*) по отношению к крестоносному делу. И эта вина требует, чтобы Фридрих “дал удовлетворение Богу и людям” и приготовился отомстить за обиду, нанесенную Христу и роду Христову¹⁴.

Ключевым обвинением в катастрофе при Дамьетте стали многочисленные просьбы Фридриха о переносе даты начала его похода в Палестину. Именно они, по убеждению Гонория III, предопределили это “бесчестье, которое претерпело христианство всего мира и которое невозможно стереть в забвении”¹⁵. “О, сколько раз ты просил, – писал папа, – чтобы тебе перенесли срок

отправления, и сколько раз мы удовлетворяли твои просьбы – об этом и мы знаем, и твое мудрейшество не в неведении”¹⁶.

Более того, факт, что дата Крестового похода Фридриха переносилась с разрешения апостольского престола, дискредитировал папство перед лицом всего западного христианского мира, как справедливо указывал Гонорий III. “Из-за того, что мы, как ты знаешь, не заставили тебя переправиться на помощь Святой Земле, твоя вина целиком легла на нас, и – при всех обстоятельствах – не совсем беспричинно”¹⁷, “из-за тебя христианский народ не перестает осыпать нас и римскую Церковь неслыханными унижениями”¹⁸.

Фактически одним действием – невыполненным в срок обещанием – Фридрих способствовал падению Дамиетты, отдалил возвращение Иерусалима в руки христиан и сумел возложить моральную ответственность за случившееся перед христианами Западной Европы не на себя, а на папский престол. Поведение Штауфена в 1215–1221 гг., как считал Гонорий III, шло вразрез с миссией крестоносца и строгим соблюдением крестоносного обета.

Тогда же из уст папы впервые прозвучала угроза отлучить императора от Церкви в случае пренебрежения клятвой крестоносца: “И мы даже торжественно объявим, что ты отлучен от Церкви как презревший собственный обет, и мы сделаем так, что это станет известно на весь христианский мир – тебе на позор. Так как ты человек умный и католический правитель, внимательно отнесись к тому, что мы говорим, и благоразумно поостерегись попасть в это сложное положение, из которого ты не сможешь высвободиться без усилий”¹⁹.

Фридрих успокаивал папу новыми обещаниями, а затем снова просил отсрочки, мотивировав это необходимостью навести порядок в Сицилийском королевстве, в частности, речь шла о подавлении восстаний сарацин²⁰. В марте 1223 г. при личной встрече императора и папы в Фиорентино первый вновь дал клятву выступить на освобождение Святой Земли, на сей раз 24 июня 1225 г. Он также обещал жениться на Иоланте Иерусалимской, наследнице короны²¹. Новую невесту овдовевшему Фридриху предложил именно папа, с намерением усилить мотивацию императора отправиться в Святую Землю. К указанному сроку Фридрих взял в жены Иоланту, но дата крестового похода переносится в очередной раз, на август 1227 г. – и вновь под угрозой отлучения от Церкви. 18-м июля 1225 г. датируется письмо папы

Гонория III императору Фридриху II, в котором понтифик сетовал на то, что постоянные отсрочки бросают тень на репутацию самого Фридриха и апостольского престола²².

25 июля 1225 г. между императором и папой было заключено программное соглашение, в котором оговаривались сроки и условия предстоящего крестового похода. Император подписался под следующим обещанием: “Фридрих, милостью Божьей император римлян, вовеки августейший, и король Сицилии. Настоящим соглашением мы заявляем повсеместно: 1. что мы отправимся на помощь Святой Земле через два года, считая с этого августа, [т.е. в августе 1227 г.] и за это двухлетие отправим туда по меньшей мере тысячу воинов”²³. На протяжении всего текста император подчеркивал, что он был движим “доброй верой” (“*bona fide*”), и что его усилия по организации крестового похода идут на службу Богу и Святой Земле (*in servitio Dei et Terre Sancte*).

“Тогда, – писал Фридрих, – мы лично поклялись, что мы отправимся за море на подмогу Святой Земле в вышеназванный поход, и Рейнальд, герцог Сполето, поклялся от нашего имени, что мы твердо и верно послужим всему, что необходимо сделать. И мы выполним все, о чем было объявлено во имя доброй веры. И из этого следует, что если мы не отправимся в вышеназванный поход или не возглавим или не соберем тысячу воинов или не выделим определенную сумму денег, то мы подпадем под опубликование приговора об отлучении [нас] от Церкви, как было установлено ранее”²⁴.

Угроза отлучения императора от Церкви была своеобразной страховкой обеим сторонам. Папа в случае саботажа Фридриха смог бы отмежеваться от “неверного сына Церкви”, нарушающего клятвы и пренебрегшего долгом христианина и правителя. Штауфен же в случае своего бездействия испытал бы, насколько папа нуждался в его силе: принял бы понтифик принципиальное решение об отлучении, либо, не имея более сильного полководца, остался бы в союзе с императором, пойдя ему на новые уступки.

Однако папа Гонорий III не дожил до судьбоносной даты, когда Фридриху предстояло выступить в поход или, в противном случае, апостольский престол должен был пойти на решительные действия.

ОТЛУЧЕНИЕ ФРИДРИХА II ОТ ЦЕРКВИ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

Гонория III на папском престоле в марте 1227 г. сменил Григорий IX, который, еще будучи кардиналом-епископом Остии и Веллетри, вручил Фридриху крест во время имперской коронации в 1220 г. Новый понтифик сразу же дал Фридриху понять: прежняя форма поведения императора по отношению к апостольскому престолу более невозможна. Сразу же после своего избрания Григорий IX отправил Фридриху письмо, где просил поторопиться с отправлением за море²⁵. Папа указывал, что близилась заветная дата, август 1227 г., когда, согласно очередному обещанию, император должен был отплыть в Святую Землю. Хотя в тексте письма прямо не говорится о возможном отлучении от Церкви, столь решительное напоминание служило для Фридриха II явным сигналом и говорило о твердости намерений Григория IX.

На этот раз императору почти удалось выполнить все, что он обещал. К концу лета 1227 г. он собрал войско крестоносцев, которое готовилось отплыть в Святую Землю из портов Сицилийского королевства. Хронист XIII в. Риккардо Сан-Джерманский подробно описал события тех дней. «Тем временем, значительная часть принявших крест в Апулии из-за вспыхнувшей эпидемии погибла. Император же с ландграфом [Людвигом IV Тюрингским] и остальными крестоносцами готовился к выступлению. Так, на Рождество Богородицы выйдя из Бриндизи²⁶, Фридрих направился к Отранто, внушив надежду на свое прибытие тем, кого выслал вперед, но по необходимости решил задержаться в Отранто, где, волею случая, упомянутый ландграф скончался, а сам же император не переправился [в Святую Землю], как предполагал, из-за внезапной болезни. По этой причине папа выступил против него: находясь в Ананьи в конце сентября на праздник архангела [Михаила], без разбора дела по существу объявил тотчас же в Сан-Джермано, что этот правитель подпал под приговор об отлучении от Церкви. Император же отправился из Апулии к купальням Поццуоли. Папа Григорий [IX] вернулся в Рим, держа путь из Ананьи через Веллетри. Император направил к нему своих посланников с извинениями, Регийского и Барийского архиепископов, Рейнальда, называемого герцогом Сполето, и графа Генриха Мальтийского. Но [папа] не более веря им, чем их вестям о болезни императора, созвал в Рим прелатов из-за Альп и из королевства [Сицилийского], кого смог, [и] в восьмой день [от праздника]

блаженного Мартина²⁷ публично отлучил императора от Церкви, и по всему Западу разослал об этом соответствующие письма²⁸.

В этом рассказе подчеркивалось, что помощи Фридриха II ждали многие – воины, которые недавно отправились в Палестину, западноевропейское общество, и, конечно, апостольский престол. В этом смысле обет крестоносца рассматривался ими не как формальность, а как обещания, которые надо исполнить обязательно и в срок. Однако возвращение Фридриха представлялось автору хроники вполне оправданным ввиду объективных причин.

Папе Григорию IX, напротив, причины возвращения императора не казались убедительными. Мотивы своего решения понтифик подробно аргументировал в булле, где отлучил Фридриха от Церкви. Григорий IX подробно описал прежние клятвы крестоносца Фридриха II, сроки обещанных выступлений и поводы для очередных отсрочек. Тем самым понтифик подчеркивал, что Фридрих *многократно* нарушал свой обет крестоносца. Это послужило обоснованием приговора об отлучении императора от Церкви. При такой аргументации наказание выглядело заслуженным и справедливым. Эта кара – свидетельство того, что поведение Фридриха папа квалифицировал как предательство по отношению к делу освобождения Святой Земли. Такое поведение императора апостольский престол с полным правом расценил как отступничество, нарушение верности принесенному обету, Церкви и христианской вере.

Епископ Рима неоднократно указывал, что Фридрих сам давал согласие подвергнуться такому наказанию, если он не отправится в поход в назначенный срок²⁹. Казалось бы, признание и императорской, и папской сторонами таких условий свидетельствовало о том, что и для светского, и для духовного правителя все договоренности и обещания, касающиеся подготовки крестового похода, воспринимались как обязательные и были убедительным стимулом к тому, чтобы исполнить их в точности. Однако Фридрих II относился к своей клятве крестоносца не столь строго.

Итак, император не исполнил своего обета в августе 1227 г. Григорий IX указал, что этим поступком император нарушил нормы христианской морали, поскольку пренебрег спасением своей души. Папа подчеркивал: “Его часто уговаривали и предшественник наш, и мы, чтобы он подготовил все с усердием и добросовестно выполнил то, что клятвенно обещал – он же забыл обо всех обещаниях, которые давал апостольскому престолу и кре-

стоносам в своих письмах, забыл о клятвенных обязательствах относительно похода, необходимого [снаряжения] и провианта, как и о спасении своей души – забыл”³⁰.

Поскольку действия крестоносца – как проповедовала Церковь – должны были способствовать торжеству христианской веры и прославлению Спасителя, бездействие Фридриха, по оценке папы, нанесло христианству тяжелый урон³¹. Григорий IX нашел выход из положения, на которое сетовал Гонорий III: из-за Фридриха апостольский престол упрекают в нерадении за веру Христову. В таких обстоятельствах дальнейшее потакание апостольского престола Штауфену расценивалось папой как отход самого понтифика от Бога: “Да не покажется впредь, что мы против Бога потакаем этому человеку, словно немые сторожевые псы, не могущие лаять³², и не наказываем *за то, что он учинил такое разорение в народе Божьем* (курсив мой. – А.Г.)”³³. Оставаясь на стороне Всевышнего, Григорий IX разорвал союз с императором, объявив его несправедным правителем и крестоносцем, отступником, не радеющим за дело Божье.

Еще одно серьезное нарушение Фридриха, по мнению папы, заключалось в том, что исполнению клятвы крестоносца император предпочел наведение порядка в Сицилийском королевстве и германских землях. Григорий IX обвинял крестоносца Фридриха в том, что тот занимался не подобающими его статусу делами: “Также он, [находясь] под знаменем креста, вплоть до настоящего времени полностью и до совершенства завершил свои собственные дела”³⁴. Такой приоритет означал нерадение императора за веру, его пренебрежение не только обязанностями крестоносца, но и шире – христианина. Отлучение императора от Церкви подчеркивало именно общехристианскую вину Фридриха II – вину правителя, христианина, защитника веры.

Для папской стороны с чисто юридической точки зрения обет крестоносца – и не только императора – был ответственным шагом, отказ от которого мог повлечь за собой серьезные последствия, в том числе и политические. Неисполнение его под разными предлогами воспринималось как сознательное упорство и каралось отлучением от Церкви³⁵. Она вменяла в обязанность тому, кто дал клятву, отправиться в крестовый поход, но, как уже отмечалось, имела право и запретить это. За отступление от обета Крестового похода полагалось церковное отлучение.

Для Фридриха же, очевидно, принесенный обет являлся договором о намерениях, но не более того. Конкретные даты начала

похода, которые выдвигались папой и на которые давал согласие император, не являлись для Штауфена незывлемыми. Отчасти такое отношение правителя было связано с политическими реалиями, действительной необходимостью социально-экономического обустройства Сицилийского королевства и разграничениями полномочий с германскими князьями.

“Всезнающему известно, – писал Фридрих в свое оправдание, – что они обрушились на нас несправедливо, утверждая, что мы не переправились к назначенному сроку, хотя нас удержали от того многие дела Церкви и Империи, неизбежные и тягостные, и еще некстати случившаяся болезнь. Среди них, в первую очередь, была дерзость восстания сицилийцев. И нам не казался здоровым и разумным для христианства совет, чтобы мы отправились в Святую Землю, оставляя за спиной войну внутри [Сицилийского королевства]. Так лекарь не посоветует применить перевязку как лекарство к ране, из которой еще торчит меч”³⁶.

Фридрих трактовал насущные дела Сицилийского королевства как “дела Церкви и Империи” и свои задачи государя – как интересы христианства в целом, т.е. что важно для императора – столь же важно и для Церкви. Сомнительное тождество, отражающее, однако, саморепрезентацию Фридриха как *христианского* правителя и “верного сына Церкви”. Такой аргумент Фридриха свидетельствует о том, что он сознательно представлял свои действия в Сицилийском королевстве как часть собственной миссии крестоносца. Император небезосновательно считал себя главной силой крестового похода и поэтому в данный период мог позволить себе использовать такую ко многому обязывающую связь.

Отлучение от Церкви, опубликованное папой, казалось бы, полностью делегитимировало дальнейшие крестоносные инициативы Фридриха II. По крайней мере, до тех пор, пока император не заслужит прощения и не будет снова принят в лоно Церкви. Записи монастыря св. Эммерама Регенсбургского свидетельствуют, что после отлучения Фридриха от Церкви “папа, по наущению дьявола, всех, кто принял крест, мольбой своей отговаривал, и после того, как множество проповедей уже склонило многих к служению и помощи Святой Земле, призывал отменить всю экспедицию. Но император, находясь в положении отлученного, не прекратил усилий по возвращению Иерусалима и Святой Земли”³⁷. В этих строках хрониста отражена альтернатива: или поход в Святую Землю ради возвращения Иерусалима состоится,

но под началом отлученного от Церкви крестоносца, или он будет отменен по причине того, что правитель-крестоносец отлучен от Церкви. Папа ратовал за второй вариант. Для него был важен способ освобождения Палестины и четкое соблюдение всех условий крестового похода. Для Фридриха же папская санкция не являлась обязательным условием Крестового похода, и путь к успеху ему виделся не столько в строгом исполнении идеологических установок, выработанных папским престолом, сколько в создании и эффективном использовании всех условий, способных привести к освобождению Иерусалима.

Наконец, в июне 1228 г. Фридрих выступил в Крестовый поход. К этому времени император так и не добился прощения от папы и не был возвращен в лоно Церкви. В том, что отлученный правитель возглавил крестоносную экспедицию, был явный вызов папе. Если бы Штауфен закончил свое предприятие с успехом (неоспоримым успехом было бы возвращение Иерусалима в руки христиан), все бы поняли, что Бог благоволил Фридриху как правителю, крестоносцу и христианину. Соответственно, папа, не благословивший этот поход, и даже противодействовавший ему, оказывался в положении “несправедливой стороны”, которая, получалось, действовала не по божественному соизволению. В этом случае Фридрих II доказал бы папе и всему христианскому миру свою правоту, свою богоизбранность как правителя и лишил бы морального основания папский приговор об отлучении. В случае неудачи Фридрих мог лишиться трона как “неудобный Богу правитель”. Папская интервенция в земли Сицилийского королевства в 1228–1230 гг.³⁸ подтверждала всю опасность положения Фридриха II.

Таким образом, император Фридрих был кровно заинтересован в успехе организованного им похода. Возвращение Иерусалима являлось первоочередной задачей императора на Востоке, от этого зависел не только престиж его власти, но и, в значительной мере, легитимность Штауфена как правителя.

На этом этапе четко определились расхождения во взглядах на крестовый поход у императора и папы. Понтифик считал, что Фридрих дискредитировал себя как крестоносец, и, отлучив императора от Церкви, по сути запретил правителю эту миссию. Штауфен же не считал свои поступки нарушением признанных канонов ведения крестового похода. Более того, он стремился представить свои действия как этап крестоносного дела. Эти шаги, подчеркивал Фридрих, необходимо было совершить для

того, чтобы приблизить возвращение Иерусалима в руки христиан. Если Григорий IX своим приговором показывал, что на Фридрихе более нет благодати божьей, то император считал иначе и надеялся показать, что он угоден Господу, добившись успеха в своем крестовом походе.

ДОГОВОР ФРИДРИХА II И ЕГИПЕТСКОГО СУЛТАНА МАЛИКА АЛЬ-КАМИЛЯ

Была ли болезнь Фридриха действительной или мнимой, но она, задержав прибытие Штауфена в Палестину, открыла западному императору новые возможности для маневра. На Востоке тем временем шли территориальные разделы между Айюбидами. И Фридрих II, поддерживавший контакты с египетским султаном аль-Маликом аль-Камилем I Насир ад-Дином, находясь еще в Сицилии, предпочел за благо дожидаться момента, когда расстановка сил между мусульманскими правителями Сирии и Египта стабилизируется³⁹.

Когда император прибыл в Святую Землю, в конце 1228 г., аль-Камиль осаждал Дамаск, куда бежал его племянник. Но осада затягивалась, а войско крестоносцев в Акре не позволяло султану перебросить все силы к Дамаску. В этой ситуации аль-Камиль скорее хотел уклониться от военного противостояния еще и в Палестине, нежели инициировать военную кампанию с “войском Христовым” под началом Фридриха. Когда император послал к султану Томмазо Ачеррского⁴⁰ и Балиана Сидонского⁴¹ возвестить о своем прибытии, мусульманский правитель приказал своему посреднику Фар-ад-Дину навестить императора и вести переговоры до тех пор, пока Дамаск не падет или Штауфен не отправится обратно в Европу. У каждого из правителей, несмотря на тесные контакты, были, конечно, свои цели. Но каждая сторона располагала ограниченными военными ресурсами. Ни у того, ни у другого правителя не было достаточно сил для полноценной военной кампании в Палестине, хотя оба хотели иметь эти территории под своим контролем⁴².

Дипломатическое разрешение ситуации способно было принести обеим сторонам большие выгоды, чем военное столкновение. Если сражение привело бы к непредсказуемому итогу, то переговоры были удобным способом для обеих сторон контролировать ход событий и следить за тем, чтобы принципиальные требования и даже детали условий были соблюдены всеми.

Доктрина *bellum sacrum*, которая воодушевляла крестоносцев, начиная с 1096 г., предполагала именно *отвоевание* святых мест у неверных. Именно в военной победе над иноверцами видели торжество христианской религии и необходимое “очищение” христианских святынь, находившихся в руках неверных. Надо отметить, что *bellum sacrum* воспринималась подавляющим большинством западных христиан как единственный путь обретения Иерусалима. Такой подход исключал переговоры с иноверцами, где предметом торга были бы христианские святыни, паритетные позиции сторон, компромисс между “верными” и “неверным”, взаимное уважение взглядов и претензий. Однако столкновение на Востоке с представителями иной культуры, иной религии, а также политические реалии иногда вынуждали вождей крестоносцев отходить от принятых норм бескомпромиссной войны с неверными.

Вопрос о приоритетах и альтернативе, отношении к идеологии *bellum sacrum* и/или возможности обрести священные для христиан города Святой Земли – решался представителями светской и духовной власти по-разному. Впервые острота такой альтернативы проявилась в 1219–1221 гг. Тогда папский легат Пелагий отклонил предложение о мире, которое султан аль-Камиль предлагал крестоносцам трижды, в августе и октябре 1219 г. и июле 1221 г.⁴³ С потерей Дамиетты надежды на возвращение Иерусалима стали более призрачными, в то время как, предлагая мир, египетский султан готов был передать в руки христиан Иерусалим и Галилею в обмен на Дамиетту. Он был согласен на возведение разрушенных каменных стен Святого Города. Однако предложение султана противоречило духу “священной войны” и потому было отвергнуто. После утраты Дамиетты в 1221 г. Пелагий вынужден был заключить перемирие с аль-Камилем сроком на восемь лет, но Иерусалим – главная цель крестоносцев – так и не перешел тогда под контроль христиан.

Возможно, это перемирие было еще одной причиной столь длительной задержки с выступлением Фридриха II: император, поддерживавший связи с египетским султаном, не спешил превращаться для аль-Камиля из друга во врага и нарушать восьмилетний мир. В этом также проявлялось различие во взглядах между представителями высшего духовенства и императором. Крестоносец Фридрих II поступал как рыцарь, соблюдая договоренности аль-Камиля с Пелагием, в то время как для папы Римского и для самого Пелагия договор с сарацинами был в принципе

неприемлем. Но эта задержка с отправлением стоила Фридриху отлучения от Церкви и поставила под вопрос признание его экспедиции в Палестину крестовым походом со стороны папы и некоторых духовно-рыцарских орденов. Не исключено, что стратегия Фридриха во многом определялась и ограничивалась сиюминутными обстоятельствами, вынуждая его действовать таким образом, чтобы непременно достичь возвращения Иерусалима. Так или иначе действия Фридриха II в 1228–1229 гг. сформировали новую модель правителя-крестоносца, во многом противоречащую традиционной. Воспринималась ли она как предательство? – кем? и в чем оно, в таком случае, состояло?

Обмен посольствами между Фридрихом II и аль-Камилем продолжался всю осень 1228 г. и почти всю зиму 1229 г. К февралю 1229 г. Дамаск все еще выдерживал осаду египетского султана. Фридрих II тем временем закончил возведение оборонительных сооружений в Яффе – крестоносное войско в укрепленном городе подготовилось к полноценным военным действиям. Желал ли Фридрих II таким образом подтолкнуть аль-Камиля к ведению результативных переговоров или же он действительно собирался открыть военную кампанию для египетского султана – в точности неизвестно. Но дальнейшее развитие событий показало, что уместнее говорить о ставке христианского императора на дипломатию. Характерная деталь: посланник султана Фар-ад-Дин посоветовал императору еще раз направить своих послов, Томмазо Ачеррского и Балиана Сидонского, к Аль-Камилю.

11 февраля послы вернулись с условиями султана. Фридрих II принял их, и через неделю, 18 февраля 1229 г. был подписан мирный договор сроком на 10 лет. К христианам отходили сам Иерусалим, Вифлеем, коридор через Лиду до Яффы, Назарет и западная Галилея, включая Монфорт и Торон⁴⁴. В руках мусульман оставался квартал Иерусалима, где находилась мечеть аль-Акса, а она располагалась напротив южного внутреннего двора Храма Гроба Господня. То есть, рядом с главным для христиан храмом Святого Города находилось святилище “неверных”, в котором отправляли богослужения. По договору Иерусалим перешел в руки христиан, но не приходилось говорить о том, что после 18 февраля 1229 г. христианство утвердилось в городе как единственная религия. Такое соседство скорее подчеркивало сосуществование двух религий, но отнюдь не доминирующее положение христианства. Население города также было неоднородным. Мусульмане, жившие в Иерусалиме, сохранили свои дома и все имущество⁴⁵.

Встреча у стен Иерусалима императора Фридриха II и султана Египта Малика-аль-Камиля (“Новая хроника” Виллани)

Условия договора могли заставить некоторых усомниться в том, что с возвращением Святого Города восторжествовала христианская вера.

Сам факт договора⁴⁶ с неверными, а также толерантность Фридриха к иноверцам стали предметом яростного возмущения со стороны патриарха Иерусалима Герольда. Сарацины не рассматривались христианским правителем как враги. Им, как считал Фридрих, можно было предложить договор, предметом которого стала бы главная для христиан святыня, Иерусалим. Церковные иерархи не принимали ни такой дипломатической инициативы христианского правителя, ни собственно “торг” с мусульманами

как способ обретения Иерусалима – вместо отвоевания Святого Города у неверных.

Допустимо – по мнению Фридриха, но не по мнению представителей высшего духовенства – обмениваться подарками с египетским султаном⁴⁷, смотреть на выступления посланных аль-Камилем танцовщиц и певцов⁴⁸, посылать свои доспехи в знак того, что не собирается воевать против султана⁴⁹. В таком поведении Фридриха II можно видеть дипломатический ход, попытку приобрести доверие султана, который, так же, как и Фридрих, является правителем. И в этом смысле от решений султана в определенной степени зависела судьба Иерусалима. Фридрих таким образом стремился показать, что воспринимает аль-Камиля как своего партнера.

Однако с точки зрения патриарха Герольда, император тем самым нарушал моральные принципы крестоносца – общался с неверным, врагом, которого, казалось, ничто не могло объединить с христианами. То, что Фридрих нашел общий язык с султаном, интересуясь его обычаями, образом правления или обсуждая возможно схожие политические интересы – все это встречало резкое осуждение Герольда и трактовалось им как моральное предательство интересов крестоносцев и дела защиты христианской веры.

Фридрих вернул Иерусалим в руки христиан невоенным путем. Этим он отступил от образа крестоносца-воина, избрал более гибкий, дипломатический вариант. Выбор Штауфена в пользу мирных переговоров и отказ от военного пути к обретению Иерусалима был ключевой претензией патриарха Герольда. “Он был не только весьма расположен к сарацинам, но и щедро одарил их, – докладывал патриарх папе Римскому, – поскольку он пожелал добиться мира, которого не смог добыть оружием, внушая страх и будучи беспощадным”⁵⁰.

Таким образом, христиане, их интересы и претензии уравнивались с притязаниями других политических сил Ближнего Востока – египетского султана, сирийского султана и т.д., что было неприемлемо для христианской Церкви.

Напомню, что ранее Штауфен неоднократно клялся выступить на помощь Святой Земле – “*ad subsidium Terrae Sanctae*”. Папой Григорием IX и членами духовно-рыцарских орденов эта помощь традиционно понималась как военная помощь. В этом смысле действия Фридриха не могли восприниматься большей частью представителей духовенства⁵¹ как крестовый поход – но как лукавство (*malitia*) или коварство (*fraus*)⁵².

Далее, патриарх Иерусалима изображал Фридриха как изменника, который порывает с Церковью в лице представителей духовенства, находящихся в Палестине, и не советуется с ними, когда принимает важные для всего христианства решения. «Если он узнавал, – писал патриарх Герольд, – что мы по какой-либо необходимости покинули Иерусалим, или что дело осталось незавершенным – он говорил: “Я получил Святой Город, который разрушил патриарх и легат римской Церкви, я начал обносить укреплениями Яффу, разрушенную по милости этого же легата”. *И не только нам, но и Церкви вменял [это] в вину* (курсив мой. – А.Г.)»⁵³. Пересказывая, как император критиковал церковных иерархов, руководивших предыдущими походами, Герольд обозначил еще одну ступень отхода Фридриха от такого образа крестоносца, для которого служение и подчинение интересам Церкви было приоритетом. Для духовных лиц такие приоритеты были привычными, именно такого поведения ожидали от правителя-крестоносца. Герольд также подчеркивал, что между Штауфеном и Церковью нет согласия, и инициатива размежевания исходит именно от императора.

Еще одна черта поведения Фридриха, по мнению церковных иерархов, противоречила образу истинного крестоносца. Фридрих при заключении договора не принял во внимание интересы духовно-рыцарских орденов и вообще христиан: *«Ибо нас в первую очередь надо было известить* (здесь и далее курсив мой. – А.Г.), что султан намерен передать во владение императора и его слуг Святой Город для обнесения стенами. Ни о Церкви, ни о христианах не упоминалось. *И не было никакого совета с нами*, хотели бы мы, чтобы Иерусалим был укреплен – поскольку после отъезда императора султан мог бы сказать: “Уходите, с вами я не заключал договора”»⁵⁴.

Крестоносец Фридрих II, по мнению Герольда, пренебрег не только приказами и советами представителей духовенства, но и соблюдением интересов Церкви и всех христиан. В этом смысле, при формально состоявшемся возвращении Иерусалима в руки христианского императора, о полноценном свободном владении христианами Святым Городом говорить не приходилось. Договор Фридриха и султана представлялся Герольду частным соглашением двух лиц, но никак не событием, существенно улучшившим положение христиан всего мира, которое позволяло говорить о торжестве христианской веры на земле. Модель происходящего, которую представлял патриарх Герольд, иллюстрировала столь

существенное отступление Фридриха от идеи крестовых походов, что фактически главное дело, несмотря на договор, так и осталось невыполненным.

Совершенно иная оценка событий и достижений Штауфена в 1228–1229 гг. дана в манифесте самого императора, который он издал вскоре после заключения договора. Своим достижениям Фридрих придавал поистине мировое значение. Обретение Иерусалима – это великий триумф для христианства и знак благоволения Господа – Фридриху. “Да возрадуются все и да возликуют о Господе⁵⁵ праведные сердцем, – писал император, – ибо благоугодно Ему милостиво возвеличить кротких над народом своим. Восславим и мы Того, Кого ангелы славят, ведь Он – Господь Бог наш, Кто один свершает великие чудеса и Кто давнее милосердие свое не забыл, но в наши дни обновил свои чудеса, которые, как [можно] прочитать, Он совершал в древности, ибо когда Он являет [всем] знак могущества своего – всегда слава Его не во всадниках или колесницах, и теперь Он сотворил себе славу в кругу немногих мужей”⁵⁶.

Бог благоволит к “своему верному слуге” – и дает императору победу в Крестовом походе, в главном деле вождя-крестоносца, обретении Святого Города. Победа Фридриха – это триумф Бога, а триумф Бога – это триумф Фридриха.

Не только сама победа, но и форма ее признавалась Фридрихом “божьим милосердием”: слава Господа не в военной победе, ратной славе, но в чуде, непостижимом для многих, *невоенном* обретении Иерусалима. Этот тезис – острая контроверза церковной доктрины *bellum sacrum*, иной идеологический концепт, также способный привести к нужному результату – обретению Иерусалима, причем в том случае, когда военный путь не приносит результата.

В череде по-литургически восторженных славословий в манифесте также содержался тонкий намек на позицию папы по отношению к “воле Бога”: “Теперь же наступает этот день спасения, в который истинные христиане (читай – Фридрих! – А.Г.) получают спасение от Господа Бога своего, чтобы весь мир узнал и понял, что Он и никто другой дает спасение своим слугам когда хочет и как хочет”⁵⁷. Здесь Фридрих II отказывал кому бы то ни было (и папе в первую очередь) в притязаниях объявлять о том, что случилось “божье спасение”, или о том, что предприятие заведомо лишено “божественной благодати”. Себя же Фридрих

считал вправе трактовать те или иные события как “божье милосердие”. Тем самым, император не предполагал никакого посредника между ним и Господом, т.е. Римский папа в этой системе не стоит между императором и Богом, а находится в стороне, вне этих отношений. Такое положение императора, папы и Всевышнего противоречит теории о двух мечях – доктрине папского примата. Фридрих II отстаивал светскую концепцию императорской власти как связанной с Богом напрямую.

Эта идея получила свое развитие в описании Фридрихом собственной коронации в храме Гроба Господня. Напомню, что император в то время все еще был отлучен от Церкви, и даже весть о передаче Иерусалима не подвигла папу объявить о прощении Фридриха. Это было еще одной существенной причиной неприязни между некоторыми представителями духовенства и императором во время всего пребывания Штауфена в Палестине. “И тотчас мы, – писал Фридрих, – как католический император, почтительно воздав поклонение гробу Господню, на следующий день короновались той короной, которую Господь Всемогущий от трона величества своего приготовил для нас, по особой милости и доброте своей он чудесным образом возвысил нас среди остальных правителей мира (здесь и далее курсив мой. – А.Г.), чтобы, пока мы справляем торжество по поводу достижения такого высокого достоинства, подобающего нам по праву королевской власти, всему миру становилось бы все яснее, что все это совершила рука Господа”⁵⁸.

Фридрих отправился в Палестину отлученным от Церкви – это создало ситуацию жесткой конфронтации императора с папой. Тем самым император поставил понтифика перед выбором: уступить призывам светских правителей⁵⁹, примириться с Фридрихом и оказать поддержку Крестовому походу императора либо же принципиально и демонстративно придерживаться линии неприятия действий Штауфена. Григорий IX решил остаться твердым и не тратить силы и средства на такое “освобождение Святой Земли”, о котором столь долго мечтал его предшественник Гонорий III.

Понтифик не только не благословил экспедицию 1228–1229 гг., но и не считал ее Крестовым походом как таковым. И хотя Фридрих направлял в Рим письма с просьбами назвать условия папского прощения (чем являл собой пример ревностного и благочестивого христианского правителя), Григорий IX не сделал и шага навстречу. Такая жесткая позиция апостольского престола объясня-

лась как нормами канонического права, так и уверенностью папы в неудаче экспедиции Фридриха и нежеланием связывать себя как главу Церкви с еще одним провалом в Святой Земле.

Крестовый поход стал важной картой в идеологической игре папы и императора: обоим было важно показать, что Бог выступает на их стороне. Возвращение Иерусалима, таким образом, должно было показать, кто прав в этом споре светской и духовной власти.

Победа Фридриха на Востоке, казалось бы, однозначно говорила о правоте императора в его конфликте с папой, и могла усилить позиции Штауфена при примирении с Григорием IX. Возвращение Иерусалима давало Фридриху не только моральное и фактическое превосходство над папой, но и оправдание всех его действий как крестоносца, а также компрометировало решение Григория IX об отлучении и интердикте Фридриха. Был тут выигрыш и иного рода: успех в Крестовом походе мог способствовать усилению торговых и культурных связей Сицилийского королевства со странами Ближнего Востока.

Таким образом, один этот дипломатический ход способствовал тому, что Фридрих решал сразу несколько политических задач, как идеологических, связанных с “моральным превосходством” над папой, так и вполне насущных для королевства и империи.

Через месяц после заключения договора, в третье воскресенье Великого поста, 18 марта 1229 г., Фридрих II отправился на мессу в Храм Гроба Господня. Там не было ни одного духовного лица (таков был запрет папы), только тевтонские рыцари. Нисколько не смущенный этим, Фридрих возложил королевскую корону на свою голову. Затем магистр Тевтонского ордена Герман фон Зальца провозгласил, сначала на немецком, потом на французском, панегирик императору и королю, описывая его достижения и справедливость его политики⁶⁰.

Самокоронация – возложение короны без участия духовного лица – прецедент, который выглядел в исполнении Фридриха глубоко продуманным. Коронации в Средневековой Европе, как правило, включали в себя четыре элемента: избрание, одобрение и аккламация, помазание, коронавание⁶¹.

Этот торжественный акт имел сугубо светские корни, в то время как помазание, слившееся с коронацией к концу IX в. (*ordines coronationis* Хинкмара Реймского), понималось как церковный ритуал, поскольку моделью служило библейское описание помазания первосвященниками царей Израиля⁶².

Несмотря на различную природу описанных выше обрядов, важно, что к XIII в. и собственно возложение короны, и помазание срослись в единую торжественную церемонию. Соответственно, Фридрих II, отлученный от Церкви, мог провести в Храме Гроба Господня только светскую часть коронации.

Э. Канторович писал, что после возвращения Иерусалима христианам Фридрих уже не считал себя отлученным от Церкви⁶³. Именно это убеждение позволило ему посетить службу в храме. Однако поведение императора свидетельствовало как раз о том, что он хорошо помнил о своем положении. Церковный обряд помазания над Фридрихом совершен не был, а светская часть коронации была выполнена таким образом, словно корону на голову Штауфена надел сам Христос⁶⁴. Коронация была призвана легитимировать действия Фридриха-крестоносца, как в глазах рядовых христиан, так и перед лицом высших церковных иерархов.

Отношение к обряду патриарха Герольда было иным. Для него было существенным, что Фридрих все еще имел статус отлученного от Церкви⁶⁵. Поэтому Герольд не присутствовал на коронации Штауфена в Храме Гроба Господня. Однако, как ему передали, во время этой церемонии магистр Тевтонского ордена Герман фон Зальца держал речь перед знатью и народом, в которой превозносил императора, а Церковь по своему согласию обвинял на разные лады⁶⁶. Характерно, что Герольд подразумевал под “Церковью” папу, себя и тех, кто не помогал Штауфену. Он снова подчеркивал разлад между “официальной” Церковью и Фридрихом с его сторонниками. Противодействие императору представлялось Герольду богоугодным, правильным поведением: “Если бы мы узнали, что император действовал во всем этом лукаво и коварно – мы без дальнейших разбирательств строго-настрого запретили бы паломникам вступать в Иерусалим и посещать Храм Гроба Господня...”⁶⁷

К правовому и идеологическому аспектам добавлялся также моральный. Тесные, даже дружеские контакты Фридриха с египетским правителем, обмены дарами, посольствами, совместные пиры⁶⁸ – такое поведение императора не соответствовало представлениям высших церковных иерархов о том, как должен вести себя крестоносец. Именно расхождение поведения Фридриха с ожидаемым от него духовными лицами послужило основой для соответствующих оценок ими достижений императора в Палестине.

Таким поведением Фридрих добавил новые черты не только в образ крестоносца, но и шире – в *modus vivendi* западноевро-

пейского правителя. Штауфен показал, что христианский император может принимать и уважать черты иной культуры, религии, использовать такую толерантность для достижения своих целей. Крестовый поход 1228–1229 гг. показал, что в этот период рациональность политического мышления правителя стала превалировать над религиозными догмами и в то же время, в его понимании, продолжала служить вере и укреплять его власть на христианском Западе.

Очевидно, что Крестовый поход Фридриха II, его характер и достижения оцениваются Герольдом негативно. Но в чем же состояло предательство Фридриха-крестоносца?

Крестовые походы – это, как правило, совместное предприятие духовной и светской властей средневековой Западной Европы, но именно папство выступало в нем главным идейным вдохновителем и определяло, какие действия правильны и допустимы для крестоносца, а какие – неприемлемы.

С точки зрения Штауфена, итог Крестового похода 1228–1229 гг., возвращение в руки христиан Святого Города, которого он смог добиться, не только не было предательством крестоносной идеи, но *служением* ей и интересам всего христианского мира. Этим шагом императору удалось реализовать главную миссию крестоносца и христианского правителя – быть угодным Богу, способствовать торжеству веры. Несмотря на все трудности, крестоносцу Фридриху удалось, как он считал, сохранить верность своему обету и исполнить его.

Суждение о Крестовом походе Фридриха II как о предательстве принадлежало только одной стороне – Церкви. Ее представители расценивали действия императора как предательство крестоносной идеи: отступничество правителя-крестоносца, его недолжное поведение имели место на всех этапах похода 1228–1229 гг. – в его пренебрежении клятвой, отказе от доктрины *bellum sacrum*, религиозной терпимости правителя-крестоносца, отказе от руководства папы. Пострадавшей, “преданной” стороной выступала христианская вера, а обвинителями – представители Церкви. Фридрих предстал в посланиях папы и патриарха не как защитник веры. Напротив, император показал себя как неверный сын Церкви, вероотступник.

Представления о Крестовом походе 1228–1229 гг. формировались обеими сторонами так, чтобы подчеркнуть доминирующее положение собственной власти. Именно идеологические

установки, а не правовые, имели решающее значение при оценке действий Фридриха II как исполнения миссии крестоносца или предательства крестоносной идеи. Политика папы Григория IX и патриарха Герольда в 1227–1229 гг. была направлена на дискредитацию Крестового похода Фридриха II и его достижений. Стремление высшего духовенства представить императора в образе крестоносца-вероотступника, нарушителя норм, презревшего свои обеты и навредившего христианству, было еще одним способом утвердить превосходство *sacerdotium* над *regnum*.

¹ Этот стих послужил основой для формирования доктрины *bellum sacrum*, которая играла ведущую роль в идеологии Крестовых походов. Согласно Р. Бартлетту, приведенный отрывок из книги пророка Иеремии был одним из любимых у папы Григория VII. См.: *Бартлетт Р.* Становление Европы: Экспансия, колонизация, изменения в сфере культуры: 850–1350 гг. / пер. с англ. М., 2007. С. 285.

² Крестоносец Людовик Святой в 1248 г. не пошел по пути переговоров, как Фридрих II. Французский король был “крестоносцем старого образца, отвергающим все дипломатические ходы с единственной целью договоров или перемирий, путь к которым указал Фридрих II” *Alphandéry P.* La Chrétienté et l'idée de croisade / Ed. A Dupont. Paris, 1959. Т. 1. Р. 201. См. также: *Ле Гофф Ж.* Людовик IX Святой / пер. с фр. В.И. Матузовой; коммент. Д.Э. Харитоновича. М., 2001. С. 143–163.

³ Все эти вопросы рассмотрены в кн.: *Villey M.* La croisade Essai sur la formation d'une theorie juridique. P., 1942.

⁴ Так, король Конрад III в 1146 г. принял крест и вместе с французским королем Людовиком VII отправился в Святую Землю сражаться против сельджуков. Преемник Конрада Фридрих Барбаросса участвовал в III Крестовом походе вместе с Ричардом Львиное Сердце и Филиппом Августом. Сын Барбароссы император Генрих VI в 1197 г. снарядил экспедицию на Восток, и лишь внезапная кончина помешала его походу за море. Его младший брат Филипп Швабский установил налог в пользу Святой Земли. См.: *Monumenta Germaniae Historica: Constitutiones et acta publica imperatorum et regum inde ab a. MCXCVIII usque ad a. MCCLXXII (1198–1272)* / Ed. L. Weiland. Hannoverae, 1896. Т. 2. Р. 16–17, особенно 17. (Далее – Const.)

⁵ Д. Абулафия указывает, что Фридрихом тогда двигало желание воздать Господу за то множество благодеяний, которыми Он наделил его самого. См.: *Abulafia D.* Frederick II: A medieval emperor. L., 1988. P. 212.

⁶ “Quo mox consecrato, Iohanne Xantensi scolastico cruce ibidem predicante, ad subventionem sanctae terrae cruce signatur”. *Annales Colonienses maximi* / Ed. K. Pertz // *MGH SS.* Hannoverae, 1861. Т. 17. Р. 828.

⁷ То, что Фридрих II принял крест и не предупредил о своих намерениях папу, весьма схоже с историей короля Конрада III, давшего обет под влиянием проповеди святого Бернарда Клервосского. Некоторые выступления проповедников перед светскими собраниями, каковым была проповедь святого Бернарда, планировались правителями заранее. Такого мнения придерживается, в частности, Саймон Ллойд. См.: *Ллойд С.* Крестоносное движение. 1096–1274 //

История Крестовых походов / под ред. Дж. Райли-Смита. М., 1998. С. 57. Не исключено, что и в 1215 г. имела место хорошо разыгранная “случайность”, и церемониальный образец этого действия был дан Фридриху его предком еще в середине XII в.

⁸ “Nec mora, post missam idem rex *ex insperato* (курсив мой. – А.Г.) signum vivifice crucis accepit...” Reineri Annales / Ed. G.H. Pertz // MGH SS. Hannoverae, 1859. Т. 16. P. 673. О реакции апостольского престола подробнее см. ниже.

⁹ Historia diplomatica Friderici Secundi, sive constitutiones, privilegia, mandata, instrumenta quae supersunt istius Imperatoris et filiorum ejus. Accedunt epistolae Paparum et documenta varia. Collegit, ad fidem chartarum et codicum recensuit, juxta seriem annorum disposuit et notis illustravit / Ed. J.-L.-A. Huillard-Breholles. Parisiis, 1852. Т. 1. P. 802. (Далее – HD) Тогда же Фридрих, пообещав собрать на нужды крестоносного дела 5000 марок, уговорил папу отложить отправление до августа будущего 1221 г. См.: von Riezler S.R. Ludwig I: Herzog von Baiern // Allgemeine Deutsche Biographie / Hg. von der Historischen Kommission bei der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. München, 1884. Bd. 19. S. 494.

¹⁰ Ibid.

¹¹ См. письмо папы Гонория III Фридриху II после потери Дамьетты, 19 ноября 1221 г.: “...scis quod te jam a pluribus annis crucesignatos sub spe ac specie tui transitus detinente...” MGH. Epistolae saeculi XIII e regestis pontificum romanorum selectae / Ed. C. Rodenberg. Berolini, 1883. Т. 1. P. 128. См. также: France J. The Crusades and the expansion of Catholic Christendom: 1000–1714. S. I. Routledge, 2005. P. 183.

¹² “Unde propter expectationem tui subsidii quod etiam per litteras tuas promisisti exercitui s[a]pe dicto, refutata est compositio, per quam Hierosolymitana civitas restituebatur cultui christiano...” MGH. Epistolae saeculi XIII e regestis pontificum romanorum selectae. Т. 1. P. 129.

¹³ “...confusionem christiani nominis, et ipsius injuriam Jesu Ghristi qui, peccatis nostris exigentibus, blasphematur...” Ibid. P. 128.

¹⁴ “...nec ante laetitia laetaberis, quam feceris aliquid per quod satisfacisse Deo et hominibus videaris. Expergiscere igitur, expergiscere, serenissime princeps, et ad vindicandam injuriam Christi et nominis christiani accingere totis viribus toto corde”. Ibid. P. 129.

¹⁵ “...ac demum tota christianitas passa est illius confusionem opprobrii, quod nulla poterit oblivione deleri”. Ibid. P. 128.

¹⁶ “Sed quoties ipsum prorogari terminum postulaveris et quoties in hoc tuae acquieverimus voluntati, et nos scimus, et tua prudentia non ignorat”. Ibid. P. 129.

¹⁷ “Eo quod te, sicut noveras, transire non compulimus in subsidium Terrae Sanctae, culpam tuam in nos penitus refundendo, et utique non prorsus immerito”. Ibid. P. 128.

¹⁸ “...nos et Romanam Ecclesiam pro te inauditis lacessere contumeliis non desistit”. Ibid. P. 129.

¹⁹ “Quinimmo te tanquam voti proprii contemptorem excommunicatum solemniter publicabimus idque per totum christianum orbem faciemus in confusionem tuam publico nunciari. Tu ergo sicut vir sapiens et catholicus princeps diligenter attende que dicimus et cave prudenter ne te ipsum in ejus articulum difficultatis inducas de quo facile nequeas expediri”. HD. Т. 2. P. 222.

²⁰ Действительно, в 1222 и 1223 гг. Фридриху пришлось подавлять два сарацинских восстания, результатом которых стало решение Фридриха об основании Лучеры, сарацинского поселения в Апулии.

²¹ HD. T. 1. P. 896.

²² HD. T. 2. P. 499.

²³ “Fridericus Dei gratia Romanorum imperator semper augustus et rex Sicilie. Per presens scriptum notum facimus universis: 1. quod nos transibimus in subsidium terrae sanctae ab instanti Augusto presentis tertie decime indictionis ad duos annos et per biennium tenebimus ibi mille milites ad minus...” Const. T. 2. P. 129.

²⁴ Ibid. P. 130.

²⁵ HD. T. 3. P. 6–7.

²⁶ Фридрих II с войском отплыл из порта Бриндизи 8 сентября 1227 г.

²⁷ 18 ноября 1227 г.

²⁸ “Interea pars cruce signatorum non modica in Apulia, superveniente infirmitate cecidit per mortis occasum. Imperator tamen cum lancravio et reliquis cruce signatis se parat ad transitum, ita quod in die nativitatis beate Virginis a Brundisio transfertans venit Ydrontum, et spem faciens hiis quos premiserat de transitu suo, morari apud Ydrontum ex causa necessaria voluit; ubi casu accidente dictus lancravius obit, et ipse tunc etjam imperator, sicut disposuerat, superveniente egritudine non transivit. Quam ob rem papa motus contra eum, aput Anagniam penultimo mensis Septembris in festo dedicationis archangeli sine cause cognitione denunciavit ipsum imperatorem in latam dudum aput Sanctum Germanum excommunicationis sententiam incidisse. Imperator de Apulia tunc venit ad balnea Puteoli. Gregorius papa, de Anagnia per Velletrum iter habens, redit ad Urbem. Ad quem ad suam excusationem suos dirigit nuntios imperator, Reginum scilicet et Barensem archiepiscopos, Raylandum dictum ducem Spoleti, et comitem Henricum de Malta; quibus non plus credens quam nuntiis suis de invalidudine imperatoris, vocatis ad Urbem prelati cis montes et de regno quos potuit, in octavis beati Martini publice excommunicat ipsum, et per totum Occidentem litteras super hoc dirigit generales”. Ryccardi de Sancto Germano notarii chronica / Ed. G.H. Pertz // MGH. SS. T. 19. P. 348.

²⁹ О договоренностях Фридриха и Гонория см. выше. См. также в булле Григория IX: “...он должен был быть отлучен от Церкви вместе с другими крестоносцами, если они не отправятся в срок” (“...se ac alios cruce signatos excommunicari obtinuit, nisi certo proficiscerentur tempore”. HD. T. 3. P. 25); “...[император] добровольно согласился, что он сам и его королевство подвергнется приговору об отлучении от Церкви, если всего этого не будет исполнено”. (“...et sponte consentiens in ipsum et regnum suum ferri sententiam, si hec non fuerint observata”. Ibidem.). О согласии Фридриха с таким условием см. выше, примеч. 22.

³⁰ “Idem a predecessore nostro ac nobis frequentius monitus, ut diligenter pararet omnia et fideliter que sponderat adimpleret, ipse omnium promissorum que apostolice Sedi et cruce signatis per litteras suas fecerat de sponsione passagii, necessariorum et victus, et sue salutis immemor...” HD. T. 3. P. 26–27.

³¹ См. примеч. 33.

³² Ис. 56:10.

³³ “Porro ne tanquam canes muti, non valentes latrare, videamur deferre homini contra Deum, non sumentes ultionem *de illo, qui tantam ruinam in Dei populo procuravit*”. HD. T. 3. P. 29.

³⁴ “Sicque idem sub crucis vexillo usque ad hec tempora negotia propria plenius et perfectius consummavit”. HD. T. 3. P. 25.

³⁵ Подробнее об этом см.: *Villey M.* Op. cit.

- ³⁶ “In nos etiam, novit Scrutator omnium, injuste debacchantur, dicentes nos nolle terminis tranfretasse constitutes, cum multa me de eo et ecclesiae et imperio inevitabilia ac ardua negotia, praeter infirmitatis incommode, detinebat, quorum primum fuit rebellium Siculorum insolentia; nec videbatur nobis sanum fuisse consilium expediens Christianitati, nos in Terram Sanctam transisse, bellum intestinum post terga relinquentes; sicut nec medico, ferro infixio vulneri, fomentum adhibere medicinae”. Matthaei Parisiensis, monachi Sancti Albani, Chronica majora / Ed. H.R. Luard. London, 1876. Т. 3. P. 153.
- ³⁷ “... ipso papa diabolo instigante omnes signatos a voto suo revocante, cum multa predicatio multos ad servitium et subsidium terrae sanctae adduxisset expeditio omnis solvitur. Ipse tamen imperator, in excommunicatione positus, Ierosolime pro recuperatione sanctae terrae strenue cum paucis laborare non destitit”. Notae sancti Emmerammi / Ed. Ph. Jaffé // MGH SS. Hannoverae, 1861. Т. 17. P. 574.
- ³⁸ См. об этом одну из новейших специальных работ: Loud G.A. The papal ‘Crusade’ against Frederick II 1228–1230 // La Papauté et les croisades / Ed. M. Balard. P., 2011. P. 95–103.
- ³⁹ 11 ноября 1227 г. скончался султан Дамаска, аль-Малик аль-Муаззам Шараф ад-Дин, оставив свои земли 21-летнему сыну аль-Малику ан-Насиру Салах ад-Дин Дауду. Два его дяди, аль-Камиль и аль-Ашраф Музафар решили захватить земли племянника. Аль-Камиль рассчитывал завладеть Палестиной. Когда Фридрих был уже на пути в Святую Землю, братья спешно решили поделить земли между собой.
- ⁴⁰ Томмазо I Аквинский (до 1201 г. – 27-го февраля 1251 г.), граф Ачерры (с 1220 г.) происходил из старинного знатного рода лангобардов. Традиционно семья выступала на стороне германских императоров. С 1221 г. Томмазо становится близким соратником Фридриха II, в частности, в 1222 г. он присутствует на встрече папы Гонория III и императора в Верули, где обсуждались условия предстоящего Крестового похода. Летом 1227 г., уже после опубликования отлучения Фридриха от Церкви, император отправляет Томмазо в Каир для переговоров с султаном аль-Камилем. До прибытия Фридриха в Палестину между ним и Томмазо шла переписка: так, гонец графа сообщил императору о кончине сирийского султана на Пасху 1228 г. После заключения договора о передаче Иерусалима между Фридрихом и аль-Камилем Томмазо на короткое время остается в Палестине в должности наместника императора в Иерусалимском королевстве. Но затем Фридрих призывает своего ценного помощника в Италию. Томмазо прибывает в Бриндизи 10 июня 1229 г. и позже сыграть важную посредническую роль при заключении мирного договора между императором и папой при Сан-Джермано в 1230 г. Подробнее см.: *Cuozzo E.* Tommaso I d'Aquino, conte di Acerra [on line:] http://www.treccani.it/enciclopedia/tommaso-i-d-aquino-conte-diacerra_%28Federiciana%29/
- ⁴¹ Балиан Гарнье, (ок. 1192/1195 – 1241 гг.) граф Сидона (с 1202 г.) – один из самых могущественных баронов Иерусалимского королевства в первой половине XIII в. Балиан выступал союзником Фридриха II в его правах на престол Иерусалимского королевства. В 1229 г. Фридрих передал Балиану власть над Тиром, а в 1231 г. тот стал одним из двух наместников (бальи) короля Иерусалимского королевства, совместно с немецким крестоносцем Вернером фон Эгисхаймом.
- ⁴² *Runciman S.* A History of the Crusades. Cambridge, 1954. V. 3: The Kingdom of Acre and the Later Crusades. P. 185.
- ⁴³ См. например: *Bradbury J.* The medieval siege. Woodbridge, 1992. P. 198.

- ⁴⁴ HD. Т. 3. P. 97. См. также: *Бильбасов В.А.* Крестовый поход Фридриха II. СПб., 1863. С. 118; *Неусыхин А.И.* Германия при Фридрихе II Гогенштауфене: Очерки по истории Германии в средние века (до XV в.) // Проблемы европейского феодализма: Избранные труды. М., 1974. С. 330; *Ришар Ж.* Латино-Иерусалимское королевство. СПб., 2002. С. 430.
- ⁴⁵ Текст этого соглашения сохранился в переписке патриарха Герольда на французском языке. Текст договора в изложении Фридриха см.: HD. Т. 3. P. 93–95.
- ⁴⁶ Для самого договора патриархом было выбрано слово “confidentia”, что может быть передано как “дерзость” или “наглость”. См.: Ibid. P. 104.
- ⁴⁷ Ibid.
- ⁴⁸ Ibid.
- ⁴⁹ Ibid.
- ⁵⁰ “Erga Sarracenos non solum largus extitit sed effusor, ac si emere vellet pacem quam obtinere non poterat violentia vel timore”. Ibid. P. 104.
- ⁵¹ В первую очередь, папой Григорием IX, патриархом Герольдом, госпитальерам, частично тамплиерами. Тевтонцы во главе с магистром ордена Германом фон Зальца выступали на стороне императора Фридриха II.
- ⁵² HD. Т. 3. P. 107.
- ⁵³ «...et si postmodum de Hierusalem aliqua necessitate contingeret nos exire vel opus relinquere imperfectum, diceret: “Ego acquisivi civitatem sanctam quam perdidit patriarcha et Ecclesie romane legatus; incepti munire Joppen et est perdita per eundem,” et non solum nobis, verum etiam Ecclesie imputaret». Ibid.
- ⁵⁴ «Cum igitur inprimis nobis constaret quod Soldanus civitatem sanctam imperatori ac suis bajulis ad muniendam et habendam dedisset, nulla de Ecclesia vel christianis habita mentione, non fuit nostrum consilium quod de munitione illa intromittere nos vellemus, quia post recessum imperatoris dicere posset Soldanus: “Exite, nullam habeo conventionem vobiscum”...» Ibid. P. 108.
- ⁵⁵ Ср.: Пс. 149:2.
- ⁵⁶ “Letentur omnes in Domino et exultent recti corde quoniam beneplacitum est ei super populo suo ut exaltet mansuetos in salute. Laudemus et nos eum quem laudant angeli quoniam ipse est Dominus Deus noster qui facit mirabilia magna solus, quique antique misericordie sue non oblitus ea miracula nostris temporibus innovavit que fecisse legitur in diebus antiquis, quia cum ipse ut notam faciat potentiam suam semper non in equis aut curribus gloriatur nunc dedit sibi gloriam in paucitate virorum...” HD. Т. 3. P. 93–94.
- ⁵⁷ “Ecce nunc quidem dies illa salutaris advenit in qua veri christicole salutare suum accipiunt a Domino Deo suo, ut cognoscat et intelligat orbis terrarum quod ipse est et non alius qui servorum suorum salutem quando vult et quomodo vult operatur”. Ibid. P. 94.
- ⁵⁸ “Et statim tamquam catholicus imperator, adorato sepulchro dominico reverenter, sequenti die coronam portavimus, quam Dominus omnipotens de throno maiestatis sue nos habendam providens, de speciali gratia pietatis sue inter orbis principes nos mirabiliter exaltavit, ut sic, prosequentibus nobis tante dignitatis tripudium, que nobis competit iure regni, magis ac magis notorium universis appareat, quod manus Domini fecit hec omnia”. Const. Т. 2. P. 166.
- ⁵⁹ RI, V 2, 4. № 11011. 20 февраля 1228 г. Генрих III, король Англии, писал папе, что он получил его послание о том, что император не помогал Святой Земле. А также ставил понтифика в известность, что потом получил письмо императора. В нем Фридрих подавал жалобу на многократно причиненные ему несправедливости и сообщал, что, несмотря на эти обстоятельства, отправится

в поход в середине мая 1228 г. Кроме этого, английский король сообщал Григорию IX, что показал письмо папскому клирику магистру Стефану и дал на этот счет совет императору, чтобы он повиновался папе и Церкви и не предпринимал ничего необдуманного; но Генрих III также просил и папу в интересах Святой Земли примириться с императором, если тот окажется готовым к послушанию и к заключению мира.

⁶⁰ *Runciman S.* A History of the Crusades. Cambridge, 1954. V. 3. P. 189.

⁶¹ *Джексон Р.А.* Коронации королей и императоров // Словарь средневековой культуры. М., 2003. С. 230.

⁶² Там же.

⁶³ *Kantorowicz E. H.* Kaiser Friederich II. Berlin, 1927. S. 182.

⁶⁴ Эта потестарная традиция была широко распространена как в Сицилийском королевстве, особенно со времени Отвилей, так и в Германии при Салиях.

⁶⁵ См.: HD. Т. 3. P. 108.

⁶⁶ Ibid. P. 103.

⁶⁷ "Cumque videremus quod in omnibus his malitiose ac fraudulenter procederet imperator, peregrinis indifferenter denegavimus licentiam intrandi Hierusalem et visitandi Sepulchrum..." Ibid. P. 108.

⁶⁸ Ibid. P. 104.